

Николай Калиниченко

Дождь над Ельцом

*Часть сборника
А зомби здесь тихие (сборник)*

Николай Калиниченко

Дождь над Ельцом

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972828

А зомби здесь тихие : фантастические повести и рассказы. : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65090-3

Аннотация

«...– Закрой, – упрямо повторила Клавдия и вдруг зябко поежилась, – мало ли...

Я пожал плечами: надо так надо. Вошел в дом и, ухватившись за край массивной двери, потянул его на себя, отгораживаясь от внешней темноты. Когда дверь со скрипом стала на место, я с удивлением отступил от нее. Обитая кожей панель от пола до потолка была покрыта разнообразными запорами от примитивных крючков и засовов до вполне современных задвижек и цепочек. Некоторые из них казались новыми, другие давно покрыла ржавчина. В замочных скважинах на разной высоте торчало не менее десятка ключей.

– Это все Варя, – тихо проговорила тетка, предвосхищая мой вопрос...»

Николай Калиниченко

Дождь над Ельцом

Эта история случилась со мной давно, еще при Советах. Я учился тогда во втором классе, а точнее, готовился перейти в третий. Летние каникулы мне довелось провести в старинном городе Ельце – бабушка хотела показать внука родне.

Скорый поезд отправился из Москвы в полночь, чтобы достичь ранним утром пустынного елецкого перрона. Мы неторопливо спустились на платформу, распрощавшись с веселым пожилым проводником. Тот отвернулся было к другим пассажирам, но вдруг схватил меня за плечо.

– Ну-ка, держи. – И сунул мне в ладошку надорванный оранжевый билет.

– Это зачем? – удивился я.

– На счастье, – подмигнул проводник. – Храни его и не выбрасывай, пока не сядешь в обратный поезд.

Я сунул билет в карман шортиков и поспешил навстречу бабушке, которая с недовольным видом шла ко мне по платформе. Ребенком я был тих и мечтателен, постоянно витал в облаках и часто терялся, за что был неоднократно наказан старшими. В этот раз тоже не обошлось без нравоучений. Я был схвачен за руку и препровожден в здание вокзала. Посреди гулкой мраморной залы нас ожидала тетя Клава. Маленькая, плотненькая, облаченная в строгое черное платье и белую сорочку, она походила на престарелую школьницу. Из скромного туалета выделялась только массивная брошь, скрепляющая ворот теткиной рубашки. В оправе потемневшего серебра покоился крупный овальный камень цвета грозового неба, рассеченный сверху вниз ослепительно-белой прожилкой, ветвящейся у основания, точно самая настоящая молния.

Лицо Клавдии напоминало плакат «дары пекарни»: между сдобными булочками щек прикорнул маленький калачик носа, поляницу большого лба венчала короткая шевелюра седых волос, торчащих как попало, точно рожь после дождя – и все это было обильно посыпано толстым слоем пудры. Из центра хлебного великолепия доброжелательно поблескивали глазурированные конфетки блекловатых голубых глаз. Губы тетка все время держала поджатыми, и это сильно портило ее образ, внося фальшивую нотку в положительный экстерьер.

Родственницы обнялись и расцеловались. После этого Клавдия переключилась на меня и, так как от лобзаний я категорически отказался, сразу принялась охать и ахать: «Как подрос! Как подрос! И глаза мамыны, а нос-то, Люба, нос-то твой!» Как видно, ритуал встречи был отработан годами и жестко протоколирован, потому что, обсудив с поддакивающей в нужных местах бабушкой мой внешний вид, Клава совершенно успокоилась, «выключила» улыбку и вполне будничным, даже суховатым тоном пригласила нас в машину.

Обшарпанная желтая «Волга» стояла на парковочном «пяточке» прямо перед зданием вокзала. Смуглый водитель в темно-коричневых брюках и светлой клетчатой рубашке с коротким рукавом стоял, прислонившись к капоту, и обстругивал перочинным ножом деревянную дощечку. Его глаза скрывались за стрекозиными окулярами старомодных темных очков. Большая клетчатая кепка бросала тень на прямой нос и пухлые губы. Завидев нас, он с недовольством отбросил палочку и открыл дверь машины.

– Доброе утро, прошу. – Его голос был тихим и странно воркующим, без громких московских гласных или нарочитого вологодского оканья, словно каждое слово завернули в мягкую рогожу.

Тетя Клава с бабушкой забрались на заднее сиденье, а я, как большой, устроился впереди. Водитель опустил рядом. От него исходил резкий запах табака, смешанный с чем-то

еще, едва уловимым и очень знакомым. Мужчина опустил правую руку на рычаг переключения передач, и тут я заметил, что на правой руке у него не хватает безымянного пальца.

– Можешь опустить стекло. А то у меня тут как на складе, – милостиво разрешил он. – Крути эту ручку на себя. Сильнее! Вот молодец.

– До конца не открывай – простудишься, – всполошилась бабушка. Она, как видно, еще переживала, что не уследила за мной на перроне. Мы тронулись неожиданно плавно и устремились по пустынной в этот час дороге в направлении города.

– Извините, пожалуйста... – обратился я к водителю, не решаясь сразу задать беспокоящий меня вопрос.

– Про палец спросить хочешь? – улыбнулся тот краешком рта и, не дожидаясь ответа, сунул мне под нос искалеченную руку. – Это фашист меня пометил.

– Вы воевали! – удивился я, пытаюсь сопоставить бодрый вид водителя с отдаленными событиями Великой Отечественной.

– А то, – ухмыльнулся водитель. – Всю оккупацию в подвале с крысами провоевал. Да только любопытство замучило. Страсть как хотелось на немца живого поглядеть. Вот и поплатился. Схватили меня, значит, ладонь к столу прижали и палец – чик.

– Яша, – в голосе тети Клавды слышалась легкая укоризна, – ты зачем мальчика пугаешь? На заводе он руку повредил. Лет пять уже прошло.

* * *

За окнами машины тянулись однообразные панельные дома, точно такие же, как и на окраинах столицы. Я даже слегка заскучал. На заднем сиденье бабушка с теткой громко обсуждали последние новости – телевидение сблизило центр и провинцию.

Наконец типовая застройка осталась позади, мы выбрались на открытое пространство. Впереди показалась акватория широкой спокойной реки. Ее блестящее зеленое тело было рассечено сразу двумя мостами. Дальний берег, высокий и обрывистый, пестрел разноцветными треугольниками двускатных крыш, над которыми царил белый утес большого собора. Пять глав, увенчанных куполами цвета январской ночи, четыре малых по краям и одна большая в центре, представились мне неусыпной стражей, хранящей заповедную землю от посягательств внешнего мира.

– Сосна, – проворковала тетка. Я принялся оглядываться в поисках упомянутого дерева.

– Река, – водитель закашлялся, – так называется.

«Волга» прибавила скорость и резво влетела на мост, стремительно пронеслась по нему, подпрыгивая на обитых металлом балочных швах, преодолела крутой подъем и ворвалась в город. Я прилип к окну, разглядывая старинные дома с высокими оштукатуренными цоколями и ветхими деревянными поверхами.

Время словно застыло здесь и даже как будто потекло вспять, медленно поглощая редкие современные постройки.

«Волга» миновала центральную площадь, окруженную приземистыми коробками общественных зданий с неизменным каменным «Ильичом» в центре. Дальше потянулись узкие проулки, угрюмые фасады за глухими заборами. Вскоре я уже не мог точно сказать, с какой стороны мы приехали. Наконец, сопровождаемые громогласными напутствиями братии цепных псов, мы покинули этот лабиринт и оказались на относительно широкой улице. Машина, скрипя подвеской, неловко подпрыгивала на неровной щебеночной дороге.

– Обещались положить асфальт еще весной, а воз и ныне там. Бесхозяйственность! Сталина на них нет! – пожаловалась тетка и тут же, почти без перехода: – Ну, вот и приехали. Слава богу!

Дом, в котором выросло не одно поколение моих предков, выглядел надежным и основательным, точно зажиточный пожилой крестьянин. Ровно оштукатуренные стены цвета яичного желтка были отделены от крыши узким резным карнизом. Единственный ряд окон располагался на высоте человеческого роста и был снабжен внушительными ставнями из толстых крашеных досок, укрепленных железными полосами. Ставни по большей части оказались открыты, за мутноватыми стеклами виднелись горшки с геранью. Исключение составляли только три окна небольшой ротонды, выступающей из плоскости фасада.

Неизгладимое впечатление произвели на меня ворота. Выкрашенные в темно-зеленый цвет еловой чащи глухие створки, слегка провисшие на массивных кирпичных столбах, имели не менее трех метров в высоту и создавали ощущение нерушимой твердыни. Калитка была под стать воротам. Поперечная щель почтового ящика наводила на мысль о крепостных бойницах.

Тетка извлекла из потрепанного ридикюля огромную связку ключей и принялась высискивать нужный. Наконец ключ от калитки был обнаружен.

– Вот, возьми, открой. – Клава протянула связку бабушке. – Я пока с водителем закончу.

Старинный замок оказался механизмом своенравным. С характером. Прежде чем открыть путь в родовое гнездо, он заставил нас изрядно попотеть. Я пропустил бабушку вперед и оглянулся. В светлом прямоугольнике дверного проема был виден желтый багажник «Волги» и тетя Клава, стоящая перед долговязым шофером. Слов я расслышать не мог, но, похоже, тетка была чем-то недовольна и сейчас отчитывала водителя. Одной рукой она нервно теребила ворот рубашки, а другой беспрестанно жестикулировала, словно регулировщик на перекрестке. Мужчина стоял перед ней, ссутулившись и опустив голову. Смуглые руки безвольно висели вдоль тела. В дорожной пыли дымилась недокуренная папираса.

За воротами обнаружился просторный двор, выстланный квадратами сероватого песчаника. Щели между камнями давно заполнила трава. В местах, где редко бывало солнце, плиты покрывал изумрудный мох. Ступени крыльца также были сделаны из камня, будто я и в самом деле оказался в какой-нибудь старинной крепости. Напротив жилого дома возвышался мрачный овин. Почерневший от времени сруб густо зарос крапивой. Одной стеной сооружение упиралось в соседский забор, с другой стороны овин обнимала большая груша. Узловатые руки дерева-старожила были настолько велики и протяжны, что давно обломились бы под собственным весом, не поддерживай их упертые в землю рогатки.

Сине-зеленая тень древесной кроны бесплотным фронтиром отделяла внутренний двор от освещенного солнцем участка земли в глубине теткиных владений. Там, нежась в лучах летнего солнца, топорились зеленым холмом листы какого-то бахчевого растения, не то тыквы, не то кабачка. В огородное царство от дома вела прямая стежка, выложенная блестящим булыжником. На границе тьмы и света, устроившись прямо на дорожке, невозмутимо вылизывал промежность толстый белый кот.

– Какой пушистый! – восхитился я.

– Это не мой – соседский. – Тетя Клава наконец присоединилась к нам. – Я животину не держу.хлопотно.

* * *

И тяжкие «крепостные» ворота, и мшистый каменный двор, и черный овин, несмотря на свою внешнюю чуждость, оказались всего лишь привратниками на пороге иной реальности. Переступив избитый ногами порог старого дома, пройдя темные сени, загромажденные садовым инвентарем, ветхими плащами и обувью, я оказался в мире удивительных вещей

и запахов. Ничего из привычных моему обонянию ароматов не было здесь и в помине. Все иное, все незнакомое и какое-то пугающе самобытное. А что за архитектура? Что за странная неравномерность размеров и форм, где каждый угол наособицу, каждая половица со своим неповторимым скрипом? Музей? Кунсткамера, где собраны ветхие химеры прошлого? Нет, это было что-то другое. Все еще живое, дышащее. Городское дитя, я оробел, впервые встретившись с домом предков. Медленно, будто погруженный в странную грезу, ходил я по комнатам, едва прикасаясь к пыльным предметам, назначение которых мне было известно лишь отчасти. И они отвечали мне: может, бранились на чужака, а может, пытались подбодрить. Но, увы, я не знал их наречия. Ведь на выщербленных пыльных боках не было заводских пометок и отгиснутых ценников.

Дом имел форму буквы Г. В районе крыльца располагалось несколько подсобных помещений и большая темноватая кухня, посреди которой возвышалась железная колонна АГВ. Сейчас этот алтарь огня мирно спал, но когда нужно было принимать душ или мыть посуду, в глубине его с ревом поднималась волна синего пламени. Направо от кухни располагалась продолговатая трапезная с длинным массивным столом, накрытым ослепительно-белой скатертью: на тонкой, полупрозрачной основе были вышиты небывалые цветы и райские птицы. Из столовой я попал в большую пустоватую комнату. Из мебели здесь имелись две старинные кровати с мощными металлическими спинками, темный от времени стул и небольшой комод. На стенах не было ни картин, ни фотографий. Сквозь открытые окна лился солнечный свет. А вот и горшки с геранью! Значит, за стеклом улица! Я подошел поближе. Действительно. Вот кусты сирени у ворот, а вот грунтовая дорога – еще дымится Яшина папироса.

– Спать будете здесь, в горнице. Светло, просторно, очень хорошо, – безапелляционно заявила тетя Клава. – Горница, столовая, кухня. В другие комнаты ходить не надо. Там не прибрано.

В большую комнату выходила еще одна дверь. Она была плотно закрыта. И конечно же, я не утерпел, ведь ключ торчал в замке. За дверью клубилась темнота, из которой медленно, словно нехотя, выступали контуры предметов. Вот письменный стол, чернильница, стул с высокой спинкой. Поблескивают стеклами огромные шкафы.

Когда я перешагнул порог, то почувствовал странное сопротивление. словно кто-то незримый мягко, но настойчиво выталкивал меня из темной комнаты.

Рядом со столом располагался старинный секретер, на обитой зеленым сукном столешнице полукругом стояли забавные резные фигурки. Я подошел, чтобы рассмотреть их поближе.

– Что ты здесь делаешь? – Я вздрогнул. На пороге, поджав губы и уперев руки в бока, стояла рассерженная тетя Клава. – Я же сказала, не ходить в другие комнаты! Здесь пыльно, не прибрано, еще, чего доброго, подхватишь какую-нибудь инфекцию.

– Но чья это комната?

– Это комната Вари, моей сестры. – Клавдия как будто смягчилась. – Она умерла три года назад. Раньше дом принадлежал ей. А теперь марш мыть руки и завтракать!

День прошел незаметно. В небе над городом еще горели отблески вечерней зари, а уединенный каменный двор перед домом уже заполнил густой зрелый сумрак. На фоне нежно-голубых вечерних небес темная громада овина казалась мрачным вестником грядущей ночи. Над коньком острой крыши игриво выгибался тонкий серебряный зубчик молодого месяца. Из темного сада явился прохладный сквознячок, заставляя листву старой груши отозваться чуть слышным шуршащим вздохом.

– Ну что засмотрелся? – Желтый прямоугольник дверного проема заслонила плотная фигура тети Клавды. Обтекая ее округлые бока, из кухни стремился на волю аромат свежей

сдобы. – Заходи в дом и дверь на щеколду закрой. Я пирожков напекла. Сейчас сядем телевизор смотреть.

– Зачем закрывать? – Я удивленно посмотрел на тетку. – Калитка на замке.

– Закрой, – упрямо повторила Клавдия и вдруг зябко поежилась, – мало ли...

Я пожал плечами: надо так надо. Вошел в дом и, ухватившись за край массивной двери, потянул его на себя, отгораживаясь от внешней темноты. Когда дверь со скрипом стала на место, я с удивлением отступил от нее. Обитая кожей панель от пола до потолка была покрыта разнообразными запорами от примитивных крючков и засовов до вполне современных задвижек и цепочек. Некоторые из них казались новыми, другие давно покрыла ржавчина. В замочных скважинах на разной высоте торчало не менее десятка ключей.

– Это все Варя, – тихо проговорила тетка, предвосхищая мой вопрос. – Последние-то годы она совсем плохая была. Вот и мерещилось ей бог знает что. Только спать ляжет – вскакивает. «Воры! – кричит. – Цыгане! Лезут к нам!» Я ей: «Спи! Никто к нам не лезет». А она: «Ой, лезут, лезут. Дверь открыть хотят». Бывало, до утра по дому металась, воров искала. Даже когда при смерти была, лежмя лежала, и то про воров шептала. А пока сама ходила... Как пенсия – Варя в магазин и обязательно задвижку новую купит. Боялась она очень. А все потому, что одна была. Муж-то у нее давно помер. Вот и маялась.

* * *

На следующий день мы отправились в центр города за посылками. В то время некоторые вещи и продукты проще было приобрести в столице и отправить себе же по почте. Колбаса «Сервелат» и прочие деликатесы в елецких магазинах либо отсутствовали, либо моментально сметались страждущими горожанами прямо в день завоза.

Когда мы вышли на улицу, желтая «Волга» уже ожидала перед воротами. Меланхоличный Яша терзал перочинным ножом очередную дощечку.

– Опять насорил! – возмутилась тетя Клава. – А кто убирать будет?

– Простите, – как-то тускло ответил долговязый. Он убрал нож, схватил искромсанную деревяшку двумя руками и сломал ее об колено. Лицо его при этом приобрело очень странное выражение. Мне показалось, что Яша сейчас заплачет.

– Ну, ладно, – милостиво кивнула Клавдия. – Когда вернемся, уберешь.

На площади былолюдно и жарко. Лавочки оккупировали подростки в футбольной форме. В тени «Ильича» примостилось несколько мальчишек моего возраста. Юные аборигены с упоением поглощали мороженое. Мимо курсировали пожилые ельчане и флегматичные мамы с колясками. По площади важно расхаживали жирные серые голуби. Бронзовые плечи вождя несли на себе отпечаток внимания этих вездесущих птиц.

Вместе с Яшей мы проследовали к неказистому, выкрашенному в красный цвет зданию почтамта. Полчаса вялых дебатов с почтовым чиновником, и мы обрели вожделенные коробки. Все четыре, как и гласила сопроводительная телеграмма. Мне вручили одну коробку, Яша взялся за две. Бабушка с теткой решили нести оставшуюся кладь по очереди.

Когда мы вернулись на площадь, то увидели, что диспозиция у памятника поменялась. Мамаши с колясками куда-то пропали, а место футболистов заняли смуглые черноволосые женщины в просторных ярких юбках и пестрых платках.

– Цыганки, – проворчала тетя Клава, – только их не хватало. Бабушка тоже фыркнула что-то соответствующее. Взрослые часто предостерегали меня от общения с цыганами. Правда, большая часть предостережений очень походила на сказки-страшилки. Мол, «не ходите, дети, в Африку гулять». Пока мы шли через площадь, я с интересом наблюдал, как ведут себя цыганки. Их действия напоминали движение пчелиного роя, о котором недавно рассказывал Николай Дроздов, ведущий моей любимой программы «В мире животных».

Из плотной группы женщин в разные стороны выдвигались «разведчицы». Перемещаясь по площади, они выбирали человека, приближались и обрушивали на прохожего водопад вопросов. Если «жертва» реагировала, к ней подходили еще несколько цыганок, а затем перемещалась вся группа. Увлеченный наблюдением, я слегка отстал от бабушки с теткой и вдруг заметил, что Яша уже не идет за мной. Водитель отчего-то оставил коробки прямо посреди площади и двигался навстречу молодой цыганке, пытавшейся «обработать» пожилого мужчину с орденской линейкой на пиджаке. Девушка, завидев, что клиент сам идет к ней, оставила несговорчивого ветерана и устремила к Яше. Последовал короткий обмен фразами, и вот уже гадалка держит ладони водителя в своих руках. Несколько секунд девушка внимательно вглядывалась в линии судьбы, а затем вдруг громко вскрикнула и отшатнулась. Она смотрела на неподвижно стоящего мужчину так, словно увидела что-то жуткое. Что-то небывалое. В тот же миг пестрая стая придвинулась, обтекая молодую женщину. Яша, однако, совершенно не испугался – он попытался подойти поближе. Цыганки вдруг ошетились, зашипели. Глаза горят, зубы оскалены, мне даже показалось, что у некоторых женщин в руках блеснули ножи.

– Саро! (*цыганск.* «Хватит») – Громкий окрик, точно удар кнута, разметал пеструю тучу. С соседней скамейки поднялся невысокий плотный человек. В кожаной жилетке, надетой поверх черной рубашки, в черных брюках и черных ботинках с острыми носами, он был похож на ворона, ворвавшегося в стаю тропических птиц. Лицо незнакомца скрывала широкополая шляпа. Ворот рубашки был расстегнут, и солнце играло на толстой золотой цепочке, обнимавшей шею мужчины. В тот же миг цыганки подобрали юбки и все как одна устремились к дальнему концу площади. Яша еще некоторое время постоял, слегка раскачиваясь, точно пьяный, а затем развернулся и как ни в чем не бывало направился к коробкам. Куда подевался «черный человек», я так и не понял.

Удивительно, но бабушка и тетка вовсе не заметили нашей задержки. Они стояли у «Волги» и увлеченно обсуждали судьбу какого-то дальнего родственника. Когда Яша открыл им дверь, обе пожилые женщины, продолжая болтать, смиренно влезли на заднее сиденье машины. В моей голове роилась куча вопросов, но я почему-то промолчал.

* * *

В следующие несколько дней ничего примечательного не случилось. Я осваивал дом и окрестности. Обширный участок земли, принадлежащий тете Клаве, за исключением дворовой части был полностью отдан под огород. Овощи в Черноземье достигали чудовищных размеров. Из мощной ярко-зеленой ботвы выпирали крутобокие туши великанских кабачков и оранжевые сферы гигантских тыкв, а в капустных кочанах могла укрыть свою ношу целая стая аистов. Картофельные грядки прятали в земле грозди продолговатых клубней. Растущие прямо на грунте, без всяких парников, огуречные лозы могли прокормить целый полк. На самом краю теткиных владений, словно войска на параде, выстроились ровные ряды помидоров. Мощные стебли гнулись под тяжестью светло-красных тугих плодов.

Границы огородной латифундии охраняли заросли малины и крыжовника. Здесь было много укромных уголков, изучение которых заняло у меня не один день. Одиночество и отсутствие сверстников никогда не тяготило меня. Я с удовольствием погружался в иллюзорные миры, которые сам же и придумывал.

Дом тети Клавы стоял на возвышенности. Внизу, укрытый зеленой тенью старых ив, тихонько журчал мелкий дремотный Ельчик. На том берегу просматривались между деревьев ветхие постройки заброшенного монастыря. Из округлого каменистого взлобья, точно шип на монгольском шлеме, торчала обшарпанная колокольня – прибежище стаи нахальных, шумных ворон.

Тетя Клава время от времени уезжала в свою квартиру на том берегу Сосны. И всякий раз Яша ждал ее у ворот, а затем привозил обратно.

Я начал постепенно привыкать к ночным шорохам и скрипам старого дома. Меня не пугал ни мрачный черный овин, который поначалу казался прибежищем неведомых страшных тварей, ни вечно закрытая комната тети Вари, ни страшный пламенный АГВ. Я подружился с белым котом, и теперь он регулярно встречал меня ранним утром в ожидании блюдечка с молоком. Соседи показывались редко. Раз в три дня к нам приходила Карина Андреевна. Пожилая женщина, в прошлом водитель автобуса, занималась разведением кур. Каждый раз отправляться на рынок ей было трудно, и она продавала яйца соседям. Иногда по вечерам в ворота стучался алкаш Егорка из дома напротив. Просьбы Егорки разнообразием не отличались – он хотел забыться.

Время от времени мы выбирались в город навестить своих дальних родственников Пичугиных. Они жили большой дружной семьей в получасе ходьбы от теткиного дома. Младший сын Пичугиных Вовка был на год младше меня, но это совершенно не мешало нам общаться. Веселое открытое лицо младшего Пичугина всегда было готово расплыться в улыбке, а в глубине ярких голубых глаз сверкали шкодливые искорки, приглашая к озорным шалостям и авантюрам. Вовка бывал в старом доме. Он знал про обросшую замками дверь и странное помешательство тети Вари.

– Они под старость все с катушек съезжают, – авторитетно заявил Вовка.

– Кто съезжает? – удивился я

– Известно кто. Сестры из старого дома. Десять их было и еще восемь братьев. Мужики-то все померли или погибли в войну, а сестры жили долго. До тети Вари была тетя Надя, до тети Нади – тетя Акулина. И у каждой свой бзик. Прабабка моя говорит, это все потому, что проклятье на них висит. Дескать, отец их землемер был, по окрестностям Ельца лазил, под железную дорогу место подбирал. Во все норы, во все болота залез и как-то раз клад нашел.

– Какой клад?

– Да кто его знает? Монгольский вроде. И будто бы заговоренный он. Если возьмешь – кранты. – Вовка выпучил глаза и принялся делать руками пассы, как будто накладывал заклятье.

– Врешь ты все, – сказал я. Мне стало обидно за родственниц.

– А вот и не вру!

– Как же тогда тетя Клава? Она вполне нормальная. Знаешь, какие пирожки вкусные печет?

– Это она пока нормальная. Скоро тоже свихнется, – поставил диагноз Вовка.

– А водителя ее видел? – Я решил переменить тему, чтобы не поссориться. – Который на «Волге» ездит? Странный какой-то.

– Беспалого? Конечно, видел. Он и у Варвары работал.

– Он говорил, что ему палец фашисты отрезали, а потом тетя сказала, что на заводе станком отрубило.

– Вот брехун! А мне сказал, что зимой на рыбалке отморозил.

– Может, он преступник или шпион, – предположил я. – Все время врет – раз, в темных очках ходит – два, неизвестно, где живет, – три.

– Живет-то он, вестимо, недалеко от вас.

– Точно! Не успеет тетя Клава позвонить, а Яша уже у ворот.

– Позвонить? – нахмурился Вовка. – Как позвонить?

– По телефону, балда!

– Сам балда! В старом доме телефона нет. Туда провода еще не дотянули, – Вовка показал мне язык.

– Что значит нет? – опешил я. – А как же тогда она его вызывает?

– Может, по рации, – растерянно предложил сын подполковника Пичугина. – Ты не видел в доме рацию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.